

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
23 (86)

ВИЗАНТИЯ
И ВОСТОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1971

ПСЕЛЛ В ОТНОШЕНИЯХ С СОВРЕМЕННОКАМИ

(Иоанн Мавропод, Иоанн Ксифилин, Константин Лихуд)

В Константинополе XI в. все образованные люди хорошо знали друг друга. Византийская культура этого времени не только собрание громких имен эрудитов и писателей, но и совокупность связей и отношений между ними: политических, идейных и личных. Где кончаются последние и начинаются первые, подчас трудно определить: идейные позиции определяют личные симпатии и антипатии, но нередко происходит и обратное.

Первое место среди интеллектуальной элиты Византии середины XI в. занимает Михаил Пселл. Его многообразные связи с современниками — интереснейшая страница культурной истории этого времени.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. М. Пселл. Хронография (M. Psellos. Chronographie. Ed. Renauld. I—II, Paris, 1926—1928 — далее Chron.). В «Хронографии» содержится богатый материал для характеристики отношений Пселла с Мавроподом, Ксифилином и особенно Лихудом.¹ Наибольший интерес представляет пассаж Chron., II, p. 65—67. Пселл рассказывает о своем постриге. Его причиной было «неожиданное изменение обстоятельств». Под последним надо безусловно понимать опалу, в которую попала группа Лихуда—Пселла около 1050 г. Сообщив об этом, Пселл делает отступление и рассказывает о своей дружбе с двумя людьми: «Они были родом из других мест, но жили в священном Риме (т. е. Константинополе, — Я. Л.) и запечатали мой образ в глубинах своей души. Смыслом нашего союза стал смысл наших занятий. Они были старше меня — я много моложе». Получив доступ во дворец, Пселл одного из своих друзей тотчас приблизил к императору, а другого позже, «ибо тот не желал сразу явиться к самодержцу». Однако быстро насытившись благами придворной жизни, друзья стали мечтать о монастырском уединении. До времени они не обнаруживали своих намерений, и лишь действия императора, начавшего преследовать тех, кто «взошел на колесницу власти» (в первую очередь Константин Лихуд), заставили их поделиться затаенными мыслями, обменяться клятвами и договориться вместе принять постриг. Один из троицы друзей первым принимает монашество, за ним следует Пселл, а третьем наш автор не сообщает ничего. Первый из упомянутых друзей Пселла — Иоанн Ксифилин, второй — Иоанн Мавропод.²

2. Энкомий Пселла Константину Лихуду (Bibl. gr., IV, p. 388—421).³ Традиционная датировка энкомия 1063 г. неверна. Описывая силу красноречия своего героя, Пселл рассказывает, как Лихуд «сражался» с двумя одинаково доблестными мужами. Далее следует характеристика этих мужей, в которой среди прочего говорится: «Это были оба знаменитых Иоанна (так их звали), равные в речах, но разные в том отношении, что один превосходил другого в искусстве слова, но уступал в философии. Другой же ... но о нем я уже говорил. Они были подобны и равны друг другу совершенством своей добродетели. Один из них, достигнув почтенного возраста и боль-

¹ Вопрос о времени написания «Хронографии» или отдельных ее частей спорен и не может быть решен мимоходом. Последняя работа, в которой обстоятельно разбирается эта проблема: R. Anastasi. Studi sulla «Chronographia» di Michele Psello. Catania, 1969.

² См.: I. M. Hussey. Church and learning in the Byzantine Empire, 867—1185. London, 1935, p. 68—77 f.

³ Bibl. gr. = C. Sathas. Bibliotheca graeca medii aevi, V, 1876.

шой учености, покинул этот мир в сиянии добродетели, другим же еще наслаждается земная жизнь. Он не только первый в каталоге мудрецов, но и занимает первое место среди архиепископов, и евангелистская митрополия получила его в качестве жителя и, пожалуй, властителя города. Ему я задолжал похвальное слово, приличествующее человеку такой жизни, однако я откладываю до сих пор его сочинение, опасаясь, как бы кто не подумал, что я просрочил долг и отдаю меньше, чем полагается» (р. 393—394).

Два знаменитых Иоанна (Ἰωάννης αἰδώς τῷ Ἰωάννῃ) из кружка Константина Лихуды — это, конечно, Иоанн Ксифилин и Иоанн Мавропод. Один из них (Ксифилин) уже умер (дата смерти — 1075 г.), другой (Мавропод) еще жив. Таким образом, энкомий Лихуду не мог быть написан ранее 1075 г. (Лихуд умер в 1063 г.).

Оба упомянутых выше источника интересны тем, что в них имена всех четверых — Пселла (автора), Ксифилина, Мавропода и Лихуды — встречаются вместе.

3. Энкомий Пселла Иоанну Мавроподу (Bibl. gr., V, р. 142—167).⁴ Приведенный отрывок из энкомия Лихуду дает *terminus post quem* и для похвального слова Мавроподу — 1075 г. (Пселла только еще обещает составить речь другу). Эта новая датировка (обычно речь относится к периоду Константина Мономаха) подкрепляется следующими данными из самого произведения.

а) О Константине Мономахе в речи постоянно говорится в прошедшем времени (Bibl. gr., V, р. 154).

б) Пселла пишет: «Извергающие пламя императоры (βασιλεῖς πῦρ πνέοντες) не испепелили только ее одну» (Bibl. gr., V, р. 158. 2—3, из контекста ясно, что речь идет об евангелистской церкви, — Я. Л.). На роль «извергающих пламя императоров» при всей риторической гиперболизации речи могут претендовать только Роман Диоген (1068—1071) и с натяжкой Исаак Комнин (1057—1059).

в) В конце энкомия Пселла пишет: «Ты получишь от меня речь..., которую я обещал тебе давно и которую отдаю как долг» (р. 167. 3—5). Из этого высказывания ясно, что имеющийся в нашем распоряжении энкомий — то самое сочинение в честь Мавропода, которое Пселла «обещал» в энкомии Ксифилину.

г) Лишенный риторических прикрас, очень искренний по тону конец энкомия (р. 167) выдает в авторе старого человека, подводящего жизненные итоги.

4. Письма Пселла Мавроподу В издании К. Сафы опубликовано 6 писем Пселла к Мавроподу (Bibl. gr., V, ер. 40, 80, 173, 182, 183, 203). В издании Курца — Дрексля (Scr. min., II),⁵ кроме писем, уже в рукописи адресованных евангелистскому митрополиту (ер. 33, 34, 45, 46, 54, 105, 229), содержится также несколько посланий, отнесенных издателями Мавроподу предположительно (ер. 190, 217, 228, 265, 269). № 265 в Scr. min., II отнесен к Иоанну Ксифилину, однако в дальнейшем «переедессован» Дрекслем Иоанну Мавроподу.⁶ Судя по содержанию, только № 190 из них может быть без сомнений отнесен к евангелистскому митрополиту. Все письма должны относиться к периоду пребывания Мавропода на посту евангелистского митрополита и не могут быть датированы временем до конца 40-х годов.

5. Письма Мавропода Пселлу. Лишь одно письмо (Bibl. gr., V, ер. 202) имеет имя адресата, остальные атрибутируются Пселлу предположительно. Без сомнения, Пселла был получателем письма I. Euch., № 22.⁷ Кроме того, Пселлу скорее всего направлялись послания I. Euch., № 150, 158, 159, 169. Все письма были отправлены во время пребывания Мавропода в Евхаите.

6. Сочинение Пселла «Защита номофилака от Офриды» (Bibl. gr., V, р. 181—196). Произведение представляет собой речь, произнесенную перед учениками Константинопольского университета (в тексте содержится обращение ω^ς οἱ — р. 190, 6). Содержание речи — защита Ксифилина от нападок некоего судьи по имени Офрида. Время произнесения речи — конец 40-х — начало 50-х годов.

7. Письмо Пселла Ксифилину о Платоне (Bibl. gr., V, ер. 175). Письмо представляет собой возражение на послание Ксифилина, которое в свою очередь было ответом на другое письмо Пселла (р. 445.13), вызвавшее неудовольствие Иоанна.

По традиции письмо относится ко времени патриаршества Ксифилина.⁸ Между тем

⁴ Новое издание, выпущенное Р. Анастаси (Padova, 1968), осталось нам недоступным.

⁵ Scr. min. = E. Kurtz, F. Drexl. M. Pselli scripta minora, I—II. Milano, 1936—1941.

⁶ См.: F. Drexl. Index nominum zu den von Sathas, Boissonade Hase, Ruelle und Tafel edierten Psellos Briefen, BZ, 41, 1941, S. 310.

⁷ I. Euch. = Iohannis Euchaitorum metropolitae quae in codice vaticano graeco 676 supersunt. P. de Lagarde edidit. Abhandl. d. hist.-philol. Cl. d. königl. Gesellsch. d. Wissensch. zu Göttingen, Bd. 28, 1881. См.: W. Fischer. Studien zur byzantinischen Geschichte des XI. Jahrhunderts. Plauen, 1883, S. 13, Anm. 7; F. Fuchs. Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Byzantinische Archiv, VIII, 1926, S. 30. Адресат письма назван Константином. Константин — светское имя Михаила (в монашестве) Пселла.

⁸ K. G. Bonis. Ἰωάννης ὁ Εὐφύλιος, ὁ νομοφύλαξ, ὁ μοναχός, ὁ πατριάρχης καὶ ἡ ἐποχὴ αὐτοῦ. Ἀθήναι, σελ. 134.

уже П. Безобразов указал на ошибочность этого тезиса, хотя и сам не сумел предложить верной датировки.⁹

Письмо могло быть отправлено только между июлем 1054 и январем 1055 г.; Пселл в период его написания принял монашество, но еще не покинул столицу (р. 449.30—450.6).

8. Письма Пселла Ксифилину. *Scr. min.*, II, ep. 191; *Bibl. gr.*, V, ep. 36 (= *Scr. min.*, II, ep. 273), 37, 44. Второе из перечисленных писем в *Cod. Laug.* отнесено судье Опсикия. Мы, исходя из содержания, вслед за К. Сафой атрибулируем его Ксифилину, считая, что лемма «судье Опсикия» — результат ошибки переписчика (в письме упоминается монастырь *τὸν Κελλίον*, о котором говорится в ряде других писем к судье Опсикия).

Все письма написаны около 1054 г.: Ксифилин находится в монастыре. Пселл все еще пребывает в Константинополе. *Scr. min.*, II, ep. 191 — возможно, то «первое» послание Пселла, в ответ на которое Ксифилин разразился обличительным письмом, вызвавшим в свою очередь ответ писателя (*Bibl. gr.*, V, ep. 175).¹⁰

9. Надгробное слово Ксифилину (*Bibl. gr.*, IV, p. 421—462). Сохранилось без конца, обычно датируется августом 1075 г. — временем смерти Ксифилина. Никакого подтверждения этому в тексте эпитафии нет. Вполне вероятно, что речь была произнесена и в одну из годовщин смерти патриарха (как, например, речи Кируларю и Лихуду). Р. Анастаси предположил, что имеющийся в нашем распоряжении текст представляет собой результат контаминации двух произведений: похвального слова Ксифилину (р. 421—459.17) и обличительного сочинения, направленного против него же (р. 459.18—462). Аргументы итальянского ученого следующие: 1) в эпитафии меняется лицо, вместо обычного третьего появляется второе — прямое обращение к Ксифилину (р. 459.18); 2) в рукописи спутана нумерация — сороковой лист предшествует тридцать девятому; 3) в конце эпитафии Пселл высказывает ряд положений, противоречащих его собственным утверждениям в начале.¹¹

Первый и второй аргументы не выдерживают критики. Изменение лица с третьего на второе — в эпитафиях явление обычное (*Bibl. gr.*, IV, p. 419, Лихуду; *Bibl. gr.*, V, p. 164, Мавроподу и др.), генетически оно восходит, видимо, к прямому обращению к покойному, над могилой которого произносится речь.

Ошибка в нумерации листов не может быть доказательством механической контаминации, поскольку логического обрыва в тексте нет и фраза *οὐ δὲ μοι λέγε...* (р. 459.17), с которой начинается «новое» произведение, с помощью частицы *δέ* сопряжена с предыдущим.

Третий аргумент серьезен, поскольку противоречия касаются не только общего тона (резкое порицание приходит на смену гиперболизированным похвалам), но и конкретных деталей. И тем не менее предположить контаминацию невозможно, поскольку Пселл, заканчивая «порицание», пишет: «Я хотел бы иметь свободу порицать тебя, чтобы воспользоваться всем, что имею, но сделать это мне не позволяет эпитафия» (р. 462.7—8). Таким образом, «порицание» несомненно включено в состав речи самим Пселлом.¹²

9а. Императорский указ об основании юридической школы в Константинополе, принадлежащий руке Иоанна Мавропода (*Novella constitutio saec. XI medii*, ed. A. Salač, Praga, 1954). Время организации школы и, следовательно, написания указа можно определить приблизительно по сообщению Михаила Атталиата, согласно которому Мономах, «завершив это сражение (имеется в виду сражение с русскими летом 1043 г., — Я. Л.), пользовался покоем, с радостью принялся за государственные дела и учредил музей юриспруденции (*μουσεῖον τῆς νομοθετικῆς*)». Вслед за этим сообщением Атталиат переходит к рассказу о подавлении восстания Льва Тюрника осенью 1047 г. Таким образом, учреждение школы, по Атталиату (рассказ этого историка в большинстве случаев выдержан хронологически), следует датировать временем между 1044—1047 г.¹³

⁹ П. Безобразов. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890, стр. 161.

¹⁰ По меньшей мере два письма Пселла Ксифилину остаются не опубликованными поныне (*Vat. gr.*, 1912, p. 182—183v, 184v—185v). См.: P. Canart. *Nouveaux inédits de Michel Psellos*. REB, 1967, p. 52.

¹¹ R. Anastasi. *Sull'epitafio di Psello per Giovanni Xiphilino*. *Siculorum Gymnasium*, N. S. XIX, 1966, p. 52.

¹² Смена жанра в пределах одного сочинения вполне допускалась средневековой поэтикой. См.: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 44. Можно указать и на очень близкий пример у самого Пселла: в энкомии к Мавроподу, по словам самого писателя, соединены похвальная речь (*λόγος*) и увещание (*παράκλησις*). См.: *Bibl. gr.*, IV, p. 167.4 (авторское разделение соответствует реальной композиции энкомии).

¹³ Michaelis Attaliotae historia, rec. I. Bekkerus, Bonnæ, 1853, p. 21. Традиционная дата для этого события (1045 г.) не обоснована источниками. Э. Фоллнери, считая, что в конце 1043—начале 1044 г. Мавроподу уже не было в Константинополе,

10. Письма Мавропода Иоанну Ксифилину (I. Euch., № 127, 128, 130). Ни одно письмо не имеет точной адресации и атрибутируются нами Иоанну Ксифилину гипотетично.

Основания: в письме № 127, явно написанном близкому другу, Мавропод употребляет латинское слово *familia*, «поскольку, — как объясняет автор, — речь обращена к италийцу и почитанию римлян» (*pros italikon te kai philorhmaton*). Эта характеристика сама по себе наводит на мысль о Ксифилине, так как «министр юстиции», знаток и толкователь римского права, естественно знал латынь, что не так часто встречалось в Византии того времени. Это предположение находит определенное подтверждение в следующем письме (в рукописях Мавропода, как и других византийских авторов, письма одному и тому же адресату нередко помещались рядом), обращенном к человеку по имени Иоанн и содержащем напоминание о «старом обычае ученых бесед» (*ēthos archaion tais logikaïs hēmōn synousiaïs*). Что касается письма № 130, то, даже делая скидку на риторическую гиперболизацию, можно догадаться, что оно было направлено главе византийской юриспруденции.

Поскольку письма Мавропода в рукописи расположены в хронологическом порядке,¹⁴ можно примерно определить время отправления посланий 1047 и 1050 гг.

11. Письма Пселла Лихуду (Bibl. gr., V, ep. 28, 68; Scr. min., II, ep. 245). По содержанию все три письма весьма традиционны. Первое (лемма: «протоветистарию Лихуду») может быть отнесено к периоду царствования Константина Мономаха, второе и третье (леммы: «патриарху Лихуду») — ко времени патриаршества Лихуда (1059—1063). Впрочем, и эта весьма неопределенная датировка может быть ошибочной, поскольку указания лемм нередко не соответствуют действительности. Лихуда, видимо, имеет в виду Пселл под «проэдром и протоветистарием» в письме, адресованном τῷ χρίστῳ Χρυσάνθῳ (Bibl. gr., V, ep. 73, p. 309, 2—3).

«Как живешь, мой брат и господин? Ты — отец моей учености, ты возделал почву души моей и бросил в нее первые семена наук или, лучше сказать, привил мне свои черенки и сообщил моим побегам свои добродетели». В этих словах благодарный ученик Пселл (ему в это время уже за тридцать, он первый ученый и занимает важные государственные посты) признает роль, которую сыграл Иоанн Мавропод в формировании его личности (Scr. min., II, p. 76).¹⁵

В «Панегирике матери» Пселл говорит о себе — шестнадцатилетнем: «Я только что прекратил слушать поэмы (Гомера, — Я. Л.) и с наслаждением погрузился в искусство слова» (Bibl. gr., V, p. 28. 25—28). Об этом же периоде своей жизни сообщает Пселл и в эпитафии своему соученику и коллеге по университету Никите: «Со временем моя страсть к учению постоянно увеличивалась, и я прежде всего заинтересовался риторикой (философия сделалась предметом моих занятий позже). Поэтому я стал искать того, кто стал бы наставником в моих занятиях. И я нашел, но не кого хотел, а того, кого почитало в то время юношество» (Bibl. gr., V, p. 88).

Из сопоставления этих высказываний ясно, что в возрасте примерно 16 лет Пселл начинает последний этап своего обучения — занятия риторикой. При этом он обращается к новому учителю-ритору. Этим новым учителем скорее всего был Иоанн Мавропод.

Последняя (риторическая) ступень образования Пселла должна была длиться примерно 3 года.¹⁶ Лет 19 Пселл уже чиновник, а затем и судья в провинции.

Через несколько десятилетий в связи со смертью своего школьного товарища — уже упомянутого Никиты — Пселл вспоминает об этих годах: ученики ходили насупленными и лохматыми, их главной заботой было не быть, а казаться мудрыми, они хвастались своими мнимыми успехами

вынуждена искусственно отнести открытие школы к очень раннему времени — второй половине 1043 г. (E. Follieri. Giovanni Mauropode. Otto Canon. Roma, 1967, p. 14).

¹⁴ Этот тезис мы не имеем возможности доказывать в рамках настоящей статьи.

¹⁵ Ср.: Bibl. gr., V, p. 466.30—467.6.

¹⁶ Образование византийца заканчивалось обыкновенно к 19—20 годам (R. Browning. Byzantinische Schulen und Schulmeister. Das Altertum, Bd. 9, Hf. 2, 1963, S. 111).

в науках и презирали новичков. Пселл и Никита, напротив, отличались притворностью нрава и наряду с усердным изучением наук, и особенно риторики, не пренебрегали удовольствиями.

Любопытным свидетельством этого периода жизни является письмо (возможно, самое раннее из всех сохранившихся!), обращенное Пселлом к своему учителю, скорее всего Иоанну Мавроподу (Scr. min., II, ep. 13). Пселл присутствует на какой-то пышной свадьбе. Однако брачные песни не радуют юношу, и он молит господу скорее прекратить празднество. Как только свадьба кончается, он спешит к своим обычным занятиям и жаждет насладиться преподаванием учителя — адресата письма. Однако бес, который, как известно, во все эпохи с особым удовольствием искушал школяров, на этот раз попутал Пселла, и он, «отказавшись от наслаждения милой и сладостной риторикой», отправился к храму Св. отцов, где в то время происходило празднество. Ехать надо было морем, стояла непогода,¹⁷ и в результате неудачного путешествия Пселл заболел. Считая себя на пороге смерти, он просит учителя прийти навестить его. Тому же адресату (т. е. скорее всего Иоанну Мавроподу) Пселл направляет и два других письма (Scr. min., II, ep. 14, 15). В одном из них он упрекает учителя за то, что тот все еще не пришел к нему, в другом (написанном уже после визита) выражает надежду «вновь насладиться речью, льющей из его медовых уст». Оба послания пестрят заклинаниями в дружбе и упреками в пренебрежении ею. За строками писем (каждое из них, особенно первое, несмотря на риторические излишества, интереснейший человеческий документ) встает образ молодого Пселла, искренне преданного учению, в то же время не чужающегося светских удовольствий, хотя и стесняющегося своих слабостей. Пройдет полтора десятка лет, и, сам став учителем, Пселл будет сурово поучать своих нерадивых учеников.

Между Пселлом и его учителем — у нас нет прямых указаний, и мы не решаемся безоговорочно назвать его Мавроподом — существуют близкие дружеские и, видимо, весьма свободные отношения.

О школе, в которой обучался Пселл, кое-что можно узнать и из других источников. «О блаженнейший, — пишет племянник Мавропода, императорский нотариус Феодор Китонит, в стихах на смерть своего дяди, — слава твоя распространилась по всему свету, как во всеобщую школу (λογεῖον κοινόν), сзывала она в твой дом жаждущих познать науки».¹⁸

Наиболее интересные сведения сообщает сам Мавропод.¹⁹ Школа помещалась в его частном доме, причем Иоанн исполнял там, видимо, обязанности директора, обучение в школе было бесплатным.²⁰ Наряду со знаниями ученики получали также нравственное воспитание,²¹ многие из их числа стали высокопоставленными чиновниками и учителями (I. Euch., № 92, 49—50). В школе Мавропода завязывалась дружба между учениками, образовывались связи между учениками и учителями, не прерывавшиеся долгие годы.²²

¹⁷ Дело происходит в декабре. День св. отцов отмечался в последнее воскресенье перед рождеством. См.: V. Grumel, *Chronologie*, Paris, 1958, p. 382.

¹⁸ Произведение Феодора опубликовано: S. Eustratides, 'Ιωάννης ὁ Μαυρόπους μητροπολίτης Εὐχαρίτων, Χρυσόστομος Παπαδοπούλου ἀρχιεπ., Ἀθηνῶν Εὐαίσιμα, Ἀθῆναι σελ. 431, 39—44.

¹⁹ «Я разрешал споры учеников и учителей и был готов ответить всем» (I. Euch., № 47, 26—27). Из этих слов можно также сделать вывод, что обучение велось по традиционной для Византии вопросно-ответной системе.

²⁰ «Многих юношей я сделал мудрыми бесплатно» (I. Euch., № 47, 31). В византийской школе не было твердо установленной платы за обучение. Ученики и их родители давали учителям «подарки» (R. Browning, *Byzantinische Schulen*, S. III).

²¹ «Я кое-что сделал и для нрава многих» (I. Euch., № 92, 44).

²² Об этом свидетельствуют письма как Мавропода, так и Пселла (I. Euch., № 123, 157; Scr. min., II, ep. 11, 16, 25, 26).

Где-то около 1037—1038 гг. Пселл покидает школу Мавропода. Учитель и ученик на некоторое время должны были расстаться: Мавропод в конце 30-х годов удаляется в монастырь,²³ Пселл начинает свою служебную карьеру и, видимо, уезжает из Константинополя.

В начале царствования Константина Мономаха Пселл вновь в столице. По рекомендации друзей (возможно, Константина Лихуда, *Chron.*, I, p. 138) он введен в сенат, удостоен высших должностей, посвящен во все явные и тайные государственные дела (*Chron.* I, p. 124).

В это же время Пселл достигает ранга первого ученого и риторика государства. В середине 40-х годов он назначается ипатом философов — главой философско-риторической школы, открытой в Константинополе Константином Мономахом. Звезда Пселла находилась в зените до последних лет царствования императора. Только в самом конце 40-х или уже в 50-х годах он, равно как и его ближайшие друзья, попадает в опалу,²⁴ результатом которой был его постриг,²⁵ принятый вопреки императорской воле, а в дальнейшем (уже после смерти Константина в январе 1055 г.) и удаление в монастырь.

Каков был жизненный путь Мавропода в те годы, когда его любимым ученик делал столь блистательную карьеру при дворе Мономаха? По этому вопросу среди исследователей существуют давние и весьма серьезные расхождения. Не входя в существо спора, приведем здесь наиболее вероятную реконструкцию биографии Мавропода этого периода.

После 1043 г. Мавропод по ходатайству Пселла, несмотря на желание остаться в тени, приближается ко двору (*Chron.*, II, p. 65). Он не занимает никаких официальных должностей, но пользуется значительным влиянием (*I. Euch.*, № 118, 119). Между 1044 и 1047 гг. Мавропод оказывается в роли одного из организаторов так называемого константинопольского университета.²⁶ В конце 40-х—начале 50-х годов, видимо в связи с начавшимися гонениями на партию придворных интеллектуалов во главе с Лихудом, положение Мавропода при дворе пошатнулось: письма Иоанна этой поры изобилуют жалобами (№ 142, 144). В конце концов Мавропод вынужден принять назначение на митрополичью кафедру в далекую Евхаиту. Новый пост страшит «любителя тихой и независимой жизни», вызывает поток риторической ламентации (*I. Euch.*, № 147, 149). И по прибытии в Евхаиту не может Мавропод примириться с новой должностью, жалобы в письмах усиливаются и постепенно доходят до своего эмоционального предела (*I. Euch.*, № 153, 155, 160, 163, 166 и др.). Сколько времени Иоанн оставался на своем посту, определить трудно, хотя в 1075 г. (*terminus post quem* для энкомия Пселла Мавроподу) он еще был евхаитским митрополитом.

Все эти годы были временем близкого общения, более того, сотрудничества Мавропода и Пселла в науке, литературе, политике. К сожалению, у нас мало данных о взаимоотношении этих людей в период, когда они оба жили в Константинополе. Единственный сохранившийся документ

²³ См.: G. Dreves. *Johannes Mauropus. Stimmen aus Maria Laach*, 26, 1884, S. 162; Gudemann. *RE*, Hlbd. 18, col. 1750 ff.; S. Eustratides. *Ἰωάννης ὁ Μανρόπουλος*, σελ. 408. Возражения см.: J. Dräseke. *Johannes Mauropus. BZ*, 2, 1893, S. 466 f.

²⁴ См. статью: P. Joannou. *Psellos et le monastère Ta Neraïōi*. *BZ*, 44, 1951, S. 284. Как можно понять из слов самого Пселла, неблагоприятная ситуация для него и его друзей возникла в связи с концом карьеры первого министра при дворе Мономаха Константина Лихуда, которого император заменил логофетом евнухом Иоанном. Время падения Лихуда, к сожалению, нельзя определить точнее, чем конец 40-х—начало 50-х годов XI в.

²⁵ В июле 1054 г. «ипат философов и вестарх Константиий» (конечно Пселл!) передает Михаилу Кируларию послание Константина Мономаха (*C. Will. Acta et scripta, quae de controversiis eccl. gr. et lat. saec. XI composita extant. Lipsiae et Marburgii*, 1881, p. 166). Можно думать, что в это время Пселл еще не принял пострига.

²⁶ A. Salac. *Novella constitutio*; ср.: *I. Euch.*, № 122.

этого времени — письмо Мавропода (I. Euch., № 122), касающееся одного из центральных событий культурной жизни Византии XI в. — открытия так называемого константинопольского университета. Мавропод сообщает о том, что его окружил «святая хор божественной философии» (τῆς θείας φιλοσοφίας ὁ ἱερός χορός), под этим выражением надо, видимо, понимать студентов вновь открытой в Константинополе философской школы. Иоанн вступил с ними в беседу и остался чрезвычайно доволен их ревностным отношением к наукам и особенно их единодушным желанием видеть во главе своей школы Константина (т. е. Пселла). Мавропод обещал студентам поддержку перед самодержцем, а также «в том, что связано с согласием других молодых людей, которые интересуются ныне наукой и знанием». Мавропод желает Пселлу всяческого успеха, а также отдает себя целиком и полностью в распоряжение Пселлы (... ἐπιδίδωμι καὶ ἐμαυτὸν πρὸς ταῖς ἄλλοις ὅλον καὶ πάντα).

Некоторый комментарий это послание Мавропода получает в энкомии Пселла Иоанну Ксифилину (Bibl. gr., IV, p. 433), где говорится о борьбе, которая развернулась между будущими студентами «юристами» и «философами». Первые ратовали за открытие юридической школы во главе с Иоанном Ксифилином, вторые хотели школу философскую и Пселла в качестве ее шефа. Возможно, именно эти раздоры имел в виду Мавропод, обещая свою поддержку в том, что «связано с согласием других молодых людей». Император решил удовлетворить обе партии и приказал организовать две разные школы.

У нас нет оснований вслед за большинством исследователей утверждать, что Мавропод вместе с Пселлом сам преподавал в университете; ясно, однако, что отношения между бывшими учителем и учеником в ту пору были наилучшими.

Этим скудными данными собственно и ограничиваются свидетельства об отношениях Пселла и Мавропода в период их совместного пребывания в столице. Напротив, от того времени, когда между ними пролегли сотни миль труднопреодолимого пути (Мавропод жалуется, что в Евхаите нелегко найти человека, который бы доставил письмо в Константинополь — I. Euch., 163), мы имеем довольно много свидетельств, рисующих характер отношений учителя со своим бывшим учеником: оказавшись вдали друг от друга, Мавропод и Пселла ведут оживленную переписку.

Не все послания Пселла в рукописях имеют имя адресата, большинство отнесено Мавроподу издателями. Что касается евхаитского митрополита, то все его письма адресуются гипотетически.

Можно с достаточными основаниями предполагать, что уже первое дошедшее до нас письмо Иоанна, отправленное из Евхаиты (№ 150), обращено к Пселлу. Его адресат (Константин) — ближайший друг отправителя, человек, «достигший вершин мудрости». Мавропод обращается к нему с просьбой о помощи, а, как будет видно из дальнейшего, именно Пселл принял на себя роль заступника своего учителя перед императором.²⁷ Первая часть послания выдержана в чрезвычайно раздраженных тонах. Мавропод предан, продан, а затем и забыт своим другом. Не заботы о карьере Иоанна, не стремление обеспечить ему благоденствие и славу руководили им, а желание избавиться от Мавропода. Сам же он никогда не допускал никакой несправедливости по отношению к друзьям. Тем не менее, продолжает Мавропод, он и поныне сохраняет верность дружбе и, находясь в изгнании, вызывает в памяти образ друга, надеясь этим письмом растопить лед их нынешних отношений.

²⁷ По мнению Нейманна (K. Neumann, Theologische Literaturzeitung, № 24, 25, 1886, S. 598), это письмо адресовано другому Константину — Лихуду. Однако Мавропод, видимо, получил назначение в Евхаиту вслед за отставкой Лихуда, который уже, конечно, не смог бы оказать никакой помощи евхаитскому митрополиту.

Таким образом (если, конечно, адресат этого письма действительно Пселл), ученик Мавропода был как-то причастен к назначению своего учителя или, быть может, уговаривал Иоанна принять это назначение.²⁸ Видимо, Пселл действительно благожелательно относился к новому роду деятельности Мавропода. Об этом свидетельствует его письмо, отправленное, как явствует из содержания, вскоре после отбытия Мавропода из столицы (Scr. min., II, ep. 45). Это наиболее теплое и искреннее послание из всех тех, что отправил своему «страждущему» учителю преспевающий ученик. До Пселла скорее всего еще не дошли жалобы Мавропода (путь до Евхаиты занимал два месяца (I. Euch., № 163), найти письмоносца было нелегко!). Пселл спрашивает о самочувствии и настроении Иоанна, советует ему не огорчаться, если не все, что он нашел на месте, соответствует его желаниям; обеспокоен, не тяготят ли Мавропода его обязанности, убеждает митрополита в том, что, хотя тот и предпочитает тихую жизнь частного человека, истинное его призвание — «управлять и предводительствовать телами и душами».

К началу пребывания Мавропода в Евхаите можно отнести и другое письмо Пселла (Scr. min., II, ep. 34).²⁹ Писатель уже получил полные отчаянных жалоб письма митрополита и, отвечая на них, продолжает убеждать своего корреспондента в преимуществах его положения: «Ты обладаешь счастьем, — пишет Пселл, — здесь же нет ничего постоянного, ничего твердого, но все движется и меняется..., а если где и вырастет животворное древо, доступ к нему преграждают мечи» (p. 54).

Константинопольскую придворную жизнь Пселл иронически называет Эдемом и в раздражении восклицает: «Если хочешь, давай меняться, бери себе дворец, а я возьму Евхаиту. Что же ты заулыбался? Оставь себе подиру и клубок, поменяемся только местами». Во время написания письма Пселл явно подвергается гонениям со стороны своих взявших верх противников при дворе.³⁰

Упреки и раздраженный тон характерны и для многих других писем Пселла к Мавроподу, распределить которые во времени, к сожалению, не представляется возможным. Мавропод возложил на Пселла роль ходатая и заступника при императорском дворе,³¹ которую тот старается по мере сил добросовестно выполнять. В ряде писем Пселл живописует Иоанну свои усилия: «Ни в дружеских беседах, ни в разговорах с императором, ни в других обстоятельствах не забываю я твоей дружбы и твоей добродетели, о лучшей из моих друзей и философов, но при всяком случае я вплетаю в свою речь рассказы о твоей дружбе, прелести речи, утонченности нрава, высоте добродетели...» (Bibl. gr., V, p. 465).

В другом письме Пселл рассказывает, как ему удалось заставить замолчать евхаитцев, явившихся к императору с жалобами на Иоанна.

²⁸ Ср. следующее письмо (№ 151). Мавропод проклинает тех, кто по невежеству превозносит его в связи с его назначением. «Острова блаженных оказались призрачным счастьем», — сетует митрополит.

²⁹ Пселл пишет о том, что Мавропод еще недавно (*ὁὗ πρό πολλοῦ*) «вкусал этот Эдем» (т. е. жил в Константинополе). Письмо, видимо, датируется самым концом 40-х годов.

³⁰ Тот же мотив звучит и в другом письме Пселла (Bibl. gr., V, ep. 173, p. 440—441): «Ты несчастлив, но счастлив, я же счастлив, но и несчастлив... ты несчастлив из-за чужбины и пренебрежения, но счастлив благодаря выпавшим на твою долю чинам и должностям, я счастлив тем, что имею родину, но несчастлив из-за того, что происходит в отчизне». В письмах этой поры, направленных другим лицам, также содержится немало жалоб, см.: Scr. min., II, ep. 191; Bibl. gr., V, ep. 37, p. 270—271 (Иоанну Ксифилину); Scr. min., II, ep. 198 (неизвестному лицу) и др.

³¹ Скорее всего именно Пселлу было адресовано письмо (I. Euch., № 158), в котором Мавропод благодарит за содействие и память о себе и сообщает о том, что направил новое послание императору в надежде на помощь друга. Ср.: K. Neumann, Theologische Literaturzeitung, № 25, S. 598.

По его словам, он сумел изменить мнение Мономаха об Иоанне, и тот, вместо того чтобы слушать обвинителей и самому обвинять, принялся превозносить Мавропода. Ипат философов в присутствии императора прочел письмо митрополита, сравнил его с сочинениями древних и признал превосходство слога своего друга (Bibl. gr., V, ep. 80).³²

Однако ходатайства Пселла не всегда достигали цели. В одном из посланий он сообщает, что, несмотря на свое влияние, ничего не может сделать, ибо «даже острым топором можно срубить не всякое дерево». Придет время, обещает придворный философ, и он склонит на свою сторону самодержца, для этого нужно только приступить к делу вовремя, и император может стать мягким и податливым.

Переписка Пселла и Мавропода характеризует не только их взаимоотношения, она в какой-то степени воссоздает духовную атмосферу константинопольского двора и рисует облик двух различных представителей византийской интеллигенции того времени. Наиболее интересным в этом отношении является обширное послание Пселла — Scr. min., II, ep. 229. Во второй его части речь идет о каком-то предполагаемом приезде Мавропода в Константинополь с целью испросить милость у императора. В связи с этим Пселл дает советы своему бывшему учителю. Войдя к императору, Иоанн не должен «хмурить брови», ни словом не упоминать ни о наветах, ни о своих страданиях, ни о желании бежать из Евханти. Мавроподу надо сменить «муз на харит», т. е. проявить приятность нрава. Ловкий придворный, как режиссер, подготавливает будущую сцену (используем выражение самого Пселла). Он опасается, как бы Мавропод не явился бы без маски (*ἀνυπόκριτος*) и не испортил бы все лицедейство (*τῆς ὑπόκρισις*). Впрочем, и это не страшно: Пселл у самого порога «примет». Иоанна и тут же «приспособит к драме». Изворотливый царедворец, проникший во все тайны науки обхождения с жуиром на троне, Мономахом, искренне готов помочь почитаемому им Мавроподу. Не случайно, однако, бывший ученик предлагает ему себя на роль наставника в лицемерии: поклонник уединенных занятий, нечестолюбивый и прямой Мавропод явно не приспособлен для готовящегося лицедейства.

Однако усилия Пселла, как и его сообщения из Константинополя, не удовлетворяют и вызывают раздражение у митрополита поневоле. Свидетельство этому — обширное письмо Мавропода (№ 159), которое с очень большой вероятностью может быть адресовано Михаилу Пселлу. «Недосуг мне много разглагольствовать, в том числе и с вами, мудрецы и любители наук, нет у меня времени на длинные речи, другие дела торопят меня... А те беседы, речи и блаженная жизнь, которых мы лишены ныне, прощайте! Это были, видно, сны и ничто более. Ныне другая жизнь, тяжкая... И что печальнее всего, нет мне проку от друзей в тяжких обстоятельствах и даже от самого дорогого и горячо любимого! Он пребывает в бездействии. Ну и пусть! Он один, как говорится в мудрой трагедии, обладает благом, но не решается разделить с другим тяготы и протянуть руку помощи страждущему».

Попреки Мавропода в свою очередь раздражают Пселла, обвиняющего своего корреспондента в том, что его нрав изменился под воздействием обстоятельств. Ведь он, Пселл, остался прежним, он и раньше «лукавил» (*εἰρωνεύσασθαι*) в письмах, побуждая тем самым друзей к еще большему расположению к себе. Мавропод, зная его стиль, должен был бы правильно понять его послания, ибо ни у одного человека не встречал Пселл нрава столь «серьезного и в то же время сократического», как у своего учителя. Почему же теперь стал столь суров и сумрачен тот,

³² Вполне вероятно, что об этих волнениях евхантицев идет речь в энкомии Пселла Мавроподу (Bibl. gr., V, p. 157, 26 сл.).

кто раньше нередко бывал весел, умел обаятельно вести беседу и применяться к обстоятельствам?³³

Нет возможности восстановить все перипетии отношений Пселла и Мавропода. Ссоры в письмах, видимо, чередовались с примирениями, раздраженные отповеди с дружескими посланиями, риторические излияния с чисто деловыми сообщениями.

Только одно письмо Пселла резко отличается по своему тону от остальных (Scr. min., II, ep. 105). Возможно, оно было направлено уже не митрополиту евахитскому (хотя и адресовано в рукописи τῷ μητροπολίτῃ εὐχαίτων), а уже удалившемуся в монастырскую обитель Иоанну. Основанием для такого предположения является следующее: в этом письме Пселл чрезвычайно настойчиво подчеркивает «неземную природу» своего адресата (τῇ ἀπύχτιστος φύσις). «Что же тебе нужно еще на земле, тебе, чья обитель — небо, уже переступившему внешнюю оболочку. Я поражен, что тебя заботят горсть пшеницы и ты ценишь бутылочку масла, ведь ты уже насыщаешься из высших источников, предан одному богу и совершенно презрел природу. То, за что я прежде порицал тебя, теперь для меня достаточный повод для энкомия» (p. 135). Последняя фраза — скорее всего намек на то, что в свое время Пселл отговаривал Мавропода от пострига, ныне же хвалит его за это.³⁴ Если это так, мы получаем лишнее свидетельство тому, что Мавропод не оставался до конца дней на митрополичьей кафедре, а осуществил свое намерение и второй раз в своей жизни ушел в монастырь.

Письма Пселла и Мавропода друг другу — даже недоброжелательные — испещрены уверениями в дружбе. В таких излияниях нет ничего необычного: они — наиболее распространенное «общее место» византийской эпистографии, использовать которое в разных вариантах рекомендуют еще позднеантичные письмовники.³⁵

Дружба, нашедшая столь изысканное выражение в эпистографии, отнюдь не была абсолютной ценностью в византийской этике. Еще в раннем христианстве эта прославленная с античных времен добродетель воспринималась по-разному.³⁶ Ее отвергал современник Пселла и Мавропода Кекавмен, решительно осуждал Симеон Новый Богослов. Стремление к богу и к индивидуальному спасению, проповедь абстрактной христианской любви к человечеству оборачивались у Симеона суровостью и недоброжелательством к конкретному человеку, фактическому отказу от любви и дружбы к ближнему.³⁷ Уже А. П. Каждан противопоставил в этом отношении Симеону и Кекавмену Михаила Пселла, для которого дружба была одной из основных добродетелей.³⁸ Можно сказать и больше: сам Пселл противопоставляет свою мораль той системе этики, которая ранее нашла законченное выражение в сочинениях Симеона. Мы имеем в виду в первую очередь письмо Пселла патриарху Михаилу Кирулярию, которое почти целиком построено на противопоставлении земной доброты, снисходительности и терпимости автора суровой бескомпромиссности

³³ См.: Scr. min., II, ep. 229, p. 272—273. Аналогичные мотивы содержатся в двух других письмах Пселла Мавроподу (Bibl. gr., V, ep. 182, 183).

³⁴ См. в энкомии Мавроподу: Bibl. gr., V, p. 164 sq.

³⁵ См.: G. Karlsson. *Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie byzantine*. Uppsala, 1959, p. 16 sq. Данные античных писемников приведены в кн.: Античная эпистография. М., 1967, стр. 5 и сл.

³⁶ См.: K. Treu. *Philía und Ἀγάπη*. Zur Terminologie der Freundschaft bei Basilios und Gregor von Nazianz. *Studii clasice*, 3, 1961, S. 421—427.

³⁷ См.: А. П. Каждан. Предварительные замечания о мировоззрении византийского мистика X—XI в. Симеона. *Byzantinoslavica*, XXVIII, 1, 1967, p. 18.

³⁸ Там же, стр. 20. А. П. Каждан ссылается на одно из писем Пселла (Scr. min., II, p. 28). Можно было бы привести много аналогичных пассажей из сочинений этого писателя.

«небесного» адресата.³⁹ Придворный интриган Пселл в этом и других случаях явно переоценивает свою доброту и человечность. Знаменательно, однако, его сознательная позиция и то, в каком отношении противопоставляет он себя патриарху.

Не менее положительно оценивает дружбу и Мавропод. Перечислив в одном из своих «автобиографических» стихотворений те жизненные блага, в которых он не нуждается (богатство, чины и т. п.), он заявляет, что хочет сохранить для себя единственное «имущество» — верность другу.⁴⁰

Таким образом, в отличие от Симеона и Михаила Кирулария, принципиально отрицавших доброжелательно-дружеское отношение к «ближнему», Пселл, как и Мавропод, почитает дружбу — во всяком случае теоретически — нормой взаимоотношений между людьми.

Знаменательно, что мотив дружбы, неоднократно всплывающий в сочинениях и переписке Пселла и Мавропода, часто переплетается с другой темой — страсти обоих к науке и литературе: они обычно объединяются византийскими писателями в многозначном понятии «слова» (λόγος).

Именно общность литературных и научных интересов связывала столь непохожих людей, как независимый и гордый, хотя и не чуждый человеческим слабостям, «кабинетный» ученый Мавропод и лукавый царедворец, человек-Протей⁴¹ Пселл. Об этом недвусмысленно говорит сам Пселл в уже цитированном отрывке «Хронографии»: «Смыслом нашего союза стал смысл наших занятий» (Chron., II, p. 65).

Для атмосферы ученой дружбы, о которой шла речь выше, весьма характерен пролог Иоанна Евхаитского к сборнику его стихотворений: «Выбрав эти мои сочинения из многих других, стихотворных и нестихотворных, я только их преподношу любителям слова (τοῖς λόγων φίλοις). Получив эти краткие строки, друзья, вы сами предпочтете, чтобы ваш друг угодил вам своими делами, а не длинными речами». Мавропод адресует свой сборник друзьям, а друзья его и есть одновременно «друзья слова» (I. Euch., I).

В посланиях Пселла и Мавропода друг другу видна та игра и любованье «словом», которые были столь характерны для образованных византийцев. Пселл видит в своем адресате человека, который в состоянии оценить его умение обращаться со «словом». Так, даже в письме, прославляющем «неземную» и божественную природу Мавропода, Пселл отмечает, что его адресат все же «загрязнен в той степени, в какой он восхищается красотой слова, гармонией и тщательностью композиции».⁴²

Однако наиболее характерным в этом отношении является другое письмо Пселла, написанное, видимо, в нелегкий для автора период гонений и интриг. Упрекнув друга за нерегулярность его посланий, Пселл продолжает: «Мы же не изменяемся в зависимости от перемены судьбы и обстоятельств и, в отличие от большинства, не выбираем в соответствии с ними слова и не соразмеряем по ним дружеские чувства. Пусть же они (перемены судьбы и обстоятельств, — Я. Л.) извне окружают нас, а слово утвердится (πεπύχθη δὲ ὁ λόγος), как мы и условились друг с другом. Несчастья же следует переносить».

³⁹ См.: Я. Любарский. Михаил Пселл. Личность и мировоззрение. Визант. временник, XXX, 1969, стр. 91.

⁴⁰ I. Euch., № 90.23.

⁴¹ О «протезизме», т. е. способности занимать любую позицию, характерной для Пселла, см.: Я. Любарский. Михаил Пселл, стр. 88.

⁴² Мы имеем в виду письмо (Scr. min., II, ep. 105), написанное, возможно, в бытность Мавропода уже монахом.

Понятия «слова» и «дружбы» употребляются здесь как бы на одном уровне. И то и другое одинаково не зависит от внешних обстоятельств, и то и другое составляет внутреннюю духовную связь между друзьями, беречь которую они договорились.

В то время как для Пселла и Мавропода темы дружбы и любви к «слову» тесно связаны между собой, для их антиподов в этических вопросах — уже упомянутых Симеона и Михаила Кирулария — принципиальный отказ от доброжелательного отношения к ближнему сочетается с отрицанием всякого человеческого (в отличие от божественного!) знания. Симеон сам неоднократно декларирует свое пренебрежение земными науками;⁴³ об этой черте Михаила Кирулария пишет, противопоставляя себя патриарху, в уже упомянутом письме Пселл.⁴⁴

Такая связь в отношениях к понятиям *φιλία* и *λόγος* (как в негативном, так и в позитивном смысле) не кажется нам парадоксальной. Для Симеона и Кирулария *φιλία* и *λόγος* одинаково отвлекают человека от аскезы и служения господу; для Пселла и в значительной степени Мавропода они составляют смысл их посюсторонней жизни.

Общие ученые интересы и любовь к «слову» связывали Пселла и Мавропода тесно потому, что в середине XI в. люди этого типа еще ощущали себя островком в «море невежества» (используем выражение самого Пселла). «Таков мой истинный философ и учитель, — пишет Пселл в энокмии Мавроподу, — непохожий на многих, занимающихся теперь наукой, и на тех других, которые ее презирают и считают излишней мудростью; усвоив наше учение (т. е. христианское, — Я. Л.), они не испытывают нужды ни в каком прочем. Иные же не знают и не изучали даже нашего учения. Слово мое обращено к некоторым из тех, кто так считает» (р. 151, 152). «Те, кто не изучил египетскую, халдейскую и иудейскую мудрость, — продолжает Пселл, — те, кто не превзошел эллинские науки и не использовал всего, что есть в них полезного, должны стыдиться своего невежества». Новым укором в адрес тех, кто «презирает образование и делает наше (т. е. христианское, — Я. Л.) учение предлогом небрежения и легкомыслия», заканчивает Пселл свои рассуждения. Среди хулителей героя энокмии были, видимо, и те «пренебрегающие нехристианскими науками», иными словами, ортодоксальные фанатики и обскуранты, которые в других обстоятельствах выступали и против самого Пселла. Отсюда прямые обращения и резкий полемический тон писателя. Защищая Мавропода, Пселл защищает не только друга, но и единомышленника.

Отношения Пселла и Мавропода не были замкнутой двусторонней дружеской связью. Уже в разобранных нами свидетельствах неоднократно всплывала фигура другого Иоанна — знаменитого Ксифилина, будущего патриарха, образованнейшего человека своего времени, сыгравшего немалую роль в жизни как Пселла, так и Мавропода.

Первое знакомство Пселла и Ксифилина произошло, вероятно, в школе Мавропода в начале 30-х годов. Рассказ об их взаимоотношениях этого периода, сохранившийся в эпитафии (Bibl. gr., IV, p. 427.8 sq.), выдержан в идеальных тонах и пересыпан терминами, обычно сопровождающими изображение идеальной византийской *φιλία*. Единственные реальные сведения сводятся к тому, что сам Пселл занимался главным образом риторикой и философией, Ксифилин отдавал предпочтение юриспруденции, и друзья взаимно обучали друг друга. Вскоре после прихода к власти Константина Мономаха Ксифилин по рекомендации Пселла

⁴³ А. П. Каждан. Предварительные замечания, стр. 36.

⁴⁴ Bibl. gr., V, p. 507. 7 sq. Характерно, что скрытые упреки в пренебрежении науками стоят у Пселла рядом с обвинениями в негуманном отношении к людям.

представляется ко двору,⁴⁵ получает высокие должности судьи ипподрома и эксактора, а затем назначается номофилаком, т. е. ректором вновь открытой юридической школы.⁴⁶ При организации юридической и философской школ не обошлось без трений, хотя разногласия среди учащихся, видимо, и не привели к серьезному конфликту между наставниками.

Нападки на придворных интеллектуалов около 1050 г. коснулись Ксифилина одним из первых. «Удары и копыя, — пишет Пселл, — сыпались на него не только сзади, но и спереди, как говорят, прямо в грудь» (Bibl. gr., IV, p. 436. 21—22). Одним из этих «ударов в спину» и был донос, подписанный Офридой, на который Пселл отвечал в публично произнесенной перед учениками речи.

Для характеристики отношения Пселла к Ксифилину это произведение имеет значение непосредственного отклика. Если написанная в старости эпитафия изображает события ретроспективно, то «апология» создана молодым Пселлом по горячим следам событий. Основной пафос произведения — противопоставление двух людей, «обвиняемого» и «обвинителя», Ксифилина и Офриды. «Апология» так и начинается: «От человека дурного и недостойного я защищаю мужа, во всем ему противоположного, украшенного добродетелями и привлекательностью, которых тот лишен» (Bibl. gr., IV, p. 181—182). Противопоставление проводится главным образом в сфере интеллектуальной. Ксифилин изучил всю грамматику, достиг вершин искусства поэтического лицедейства (ποιητικῆς δὲ τὸ ὑποκριτικὸν εἰς ἄκρον ἐξήρτησεν), никому не уступает в орфографии, не имеет себе равных в риторике и т. д. Напротив, красноречие Офриды оставляет желать лучшего: когда он говорит, то «разевает свою пасть медленнее морского чудовища ... языком двигает как мельничным жерновом» (p. 185). Если Ксифилин в совершенстве знает законы и овладел искусством юриста, то потуги Офриды в этом отношении просто смехотворны (p. 186—187).

Молодость, по Пселлу, вопреки мнению Офриды, вовсе не является препятствием для того, чтобы стать мудрым и красноречивым человеком. Апогея противопоставление Ксифилина и Офриды достигает тогда, когда Пселл, сопоставляя человеческую душу с воском, на котором отпечатываются знания, говорит, что «воск» Ксифилина мягкий и податливый, а «воск» Офриды тугой и застывший (p. 187). «Офрида, — еще более подчеркивает свою мысль Пселл, — сколько ни смотрит на солнце, может после долгого напряжения увидеть лишь крохотный лучик, а Ксифилин своим могучим взором сразу видит все солнце (т. е. «свет знания», — Я. Л.)».

В этом сочинении видно то упоение силой ума и знания, которое, видимо, свойственно было кружку молодых интеллектуалов, группировавшихся при дворе Константина Мономаха. Всякая попытка опорочить членов этого кружка, предпринятая к тому же с обскурантистских позиций, встречает немедленную отповедь. Знаменательно, что обвинитель Ксифилина принадлежит к монашеским кругам, а апология Пселла имеет определенный светский колорит и построена почти целиком на античных примерах и ассоциациях.

Можно думать, что между Пселлом и Ксифилином в этот период существовали те же отношения «ученой дружбы единомышленников»,

⁴⁵ Утвердившаяся в некоторых исследованиях дата этого события — июнь 1043 г. — ни на чем не основана (K. G. Bonis. Ἰωάννης ὁ Σιφίλινος, σελ. 29, со ссылкой на Bibl. gr., IV, p. XL, ὑποσ. 2)

⁴⁶ П. Безобразов (Михаил Пселл, стр. 19—20) на основании неверно переданной мысли Фишера (W. Fischer. Studien, S. 14) считает, что Ксифилин занимал должность ὁ ἐπὶ τῶν κρίσεων. Поэтому он ошибочно атрибутирует ему письма Пселла (Bibl. gr., V, p. 409—412).

которые связывали с Пселлом и Мавроподом. Интересно, что в том же ключе выдержаны те письма Мавропода, которые мы атрибуировали Ксифилу. Мавропод считает своего адресата ученым, справедливейшим человеком, украшенным всеми мыслимыми достоинствами (I. Euch., ep. 128, p. 72.17). Он лучший из судей, благодаря которому законы воцарились по всей земле (ep. 130, p. 73.21). Корреспондентов связывает дружба, украшенная всеми возможными прелестями (ep. 127, p. 71.33—34). Как явствует из слов Мавропода, Ксифилин со своей стороны тоже прославлял его в письмах (p. 71.35 sq.).

Придворная борьба кончилась поражением интеллектуалов. Во исполнение ранее заключенного с Пселлом и Мавроподом соглашения Ксифилин удаляется в монастырь.⁴⁷ Пселл медлит. Это время интенсивной эпистолярной связи между друзьями. Стремясь убедить Пселла исполнить условия их соглашения, Ксифилин требует от него переселения в монастырь и засыпает письмами, содержащими «блестящие посулы, обещания выздоровления, увещевания, плачи, стенания, слова, написанные не чернилами, а слезами, угрозы» (Bibl. gr., IV, p. 440. 27—29), напоминает Пселлу о «дружбе, благодеянии, преподавании, общении, ученом сотрудничестве, самой философии и т. д.». Данные энкомия вместе со свидетельствами ответных писем Пселла на эти несохранившиеся послания Ксифилина позволяют в общих чертах восстановить картину взаимоотношений друзей этого периода.

Опалу и необходимость оставить столицу они воспринимают очень по-разному. Если Пселл (как и Мавропод) чрезвычайно удручен и обескуражен случившимся, то Ксифилин, напротив, относится к событиям без всякого трагизма. «У него, — пишет Пселл, — был такой избыток блага, и жизнь была столь устремленной к богу, что преобразование для него прошло безболезненно» (Bibl. gr., IV, p. 440. 9—10). Вынужденная поначалу аскеза, видимо, не вызвала у Ксифилина никакого внутреннего сопротивления. В двух посланиях Пселла этой поры (Bibl. gr., V, ep. 44; Scr. min., II, ep. 191) высказывается осторожный упрек Ксифилину за молчание: последний не пишет ему из монастыря. В этих этикетных упреках есть нечто необычное: нежелание писать Ксифилина объясняется не тривиальным «пренебрежением», а требованиями аскетической морали, которым подчиняется корреспондент. «Я хвалю тебя за молчание, ибо знаю, плодом какой добродетели оно является» (Bibl. gr., V, p. 276. 19—20). Видимо, ограничение или запрещение переписки и устного общения предусматривалось уставом или обычаями монастыря, где находился Ксифилин: «Божественным мужам, окружающим тебя, — пишет Пселл в другом послании, — нравится первый вид философии, и они не разговаривают друг с другом» (Scr. min., II, ep. 191, p. 215.11—13). У Пселла этот обычай не вызывает никакого энтузиазма, его оскорбляет, что Ксифилин считает беседу с ним «неуместным занятием», в обоих письмах он ссылается на пример отцов церкви Василия и Григория, святость которых не была препятствием для дружеского общения, в том числе и эпистолярного (Bibl. gr., V, p. 277.9—11; Scr. min., II, p. 215, 17—23). Ксифилину, для которого принятие схимы отнюдь не было простым формальным актом, кажется непонятной задержка Пселла в Константинополе, и последний делится с другом своими душевными сомнениями. Вдруг его стремление в монастырь на самом деле не «божественный порыв» (ὁ θεῖον ὄρημα), и за действием последует раскаяние (Scr. min., II, p. 218. 2—5).

⁴⁷ Фишер (W. Fischer. Studien, S. 19), а вслед за ним и Бонис (K. G. Bonis. Ἰωάννης ὁ Ξηφίλιος, σελ. 71) считают, что это произошло в 1054 г. Дата эта, однако, ни на чем не основана.

Скорее всего именно это послание вызвало гневную отповедь Ксифилина, ответом на которое и было известное письмо Пселла с воинственной защитой Платона (Bibl. gr., V, ep. 175).

Письмо это, неоднократно привлекавшее внимание исследователей как историко-философский памятник, для нас — интересный документ отношений Пселла и Ксифилина. То взаимное недовольство, которое, как это видно из предыдущих посланий, накапливалось постепенно, здесь выступает обнаженно. Пселл отвечает на два пункта обвинения, выставленного Ксифилином: 1) излишнее увлечение Платоном, Хрисиппом и рационалистическими методами в философии; 2) увлечение суетой городской жизни, пренебрежение «спасением» в Олимпийской обители.

Пселл действительно признает себя восторженным поклонником эллинских философов (полемическое «Мой Платон!» трижды повторяется в письме). Однако склонность к древней науке, по Пселлу, отнюдь не означает отказа от христианских догм: «Смыв с себя соль, он возлюбил лишь прозрачную воду источника» (p. 445. 3), т. е., как и полагается ортодоксальному философу, заимствовал из эллинской науки лишь согласующееся с христианскими догмами.

Что касается второго обвинения, то «жизнь на горе» (т. е. на Вифинском Олимпе) сама по себе не может быть залогом добродетели и благодати. Постигание высшего знания, «озарение» невозможно без предварительного овладения земной наукой. Ксифилин должен сначала погрузиться в изучение книг «наших и не наших» (т. е. христианских и языческих), упражнять свой ум силлогизмами, а уже потом подняться до знания, «недоступного силлогизмам» (p. 446—447). Логическое мышление (τὸ συλλογιστικόν) не противно христианской догме, оно — орудие и средство достижения знания (p. 447).

Это письмо Г. Бек назвал истинным манифестом христианского гуманизма.⁴⁸ Можно было бы добавить, что это — воинствующий манифест, проникнутый полемическим пафосом. Нападки Ксифилина философ называет дерзостью (ὕβρις), рождающей у него возмущение и гнев.

Пафос Пселла вызван не только личной обидой: позиция философа — это позиция защиты науки от невежества, знания от обскурантизма. Ксифилина Пселл показывает не только «ненавистником Платона» (μισοπλάτων), но и «ненавистником знания» (μισολόγος), если не сказать «ненавистником философов» (μισοφιλόσοφος) (p. 445. 15—16). Он все презирающий (p. 446.5) и т. д. Всякая добродетель, намекает Пселл на позицию Ксифилина, соединенная с чванством и самомнением, оборачивается худшим злом и есть результат невежества (p. 447. 1—2). Своего корреспондента он укоряет в незнакомстве с географией, незнании халдейской премудрости (p. 448) и т. д.

Письмо, утверждает Пселл в заключительных фразах, он написал не из личной ненависти, а с целью защитить Платона и всю светскую науку (p. 451).

Пять-семь лет отделяют это письмо от речи против Офриды. Мировоззрение, доводы и даже пафос Пселла остались прежними, изменилась только позиция Ксифилина. Если раньше Пселл защищал будущего патриарха от Офриды, то теперь он уже защищает самого себя от Ксифилина. В обоих случаях он защищает просвещенность от обскурантистских тенденций.

После кратковременного пребывания в монастыре Пселл возвращается ко двору. 1058—1063 гг. прежние друзья живут вдали друг от друга, никаких свидетельств их связи этой поры не сохранилось.

⁴⁸ H. G. Beck. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 541.

Когда в 1063 г. умер Константин Лихуд, Пселл — во всяком случае он сам так утверждает — предложил на патриарший престол кандидатуру Ксифилина (Bibl. gr., IV, p. 447). Прибывший в столицу новый патриарх отметил Пселла в толпе встречающих придворных, подошел к нему и имел краткую беседу, прерванную самим императором (p. 448. 4 sq.).

Единственный источник для позднего периода (времени патриаршества Ксифилина) — энкомий Пселла. Как уже отмечалось, он резко разделяется на две части, из которых первая — панегирическая речь, скрывающая истинное отношение к герою частоколом стандартных формул. Зато вторая — порицание — дает волю авторским чувствам.

Содержание порицания несколько неожиданно.

Покойному уже патриарху философ предъявляет в основном две претензии, уличая его в занятиях «халдейскими» науками (Bibl. gr., IV, p. 459—460) и в исповедовании физических и онтологических теорий Аристотеля (p. 460—462). Хорошо известно, что то и другое было предметом усердных занятий самого Пселла. Это обстоятельство, однако, не мешает писателю использовать самые сильные выражения для осуждения своего бывшего друга. Пселл «смеется» над всем, чем гордится патриарх, его наука для него — «театральное действо» (p. 460. 2—3).

Еще более неожиданными оказываются в порицании исходные позиции самого Пселла: писатель не может принять исповедуемые Ксифилином теории как «нечестие» (τὸ ἀσεβές) и «несоответствующие нашему учению» (πρὸς τὸν ἡμέτερον λόγον ἀσυνεπές — p. 460. 18—20).

Сторонник светской образованности, проповедующий терпимость, Пселл вдруг становится в позу «охранителя устоев». В чем причина столь резкой перемены?

Теоретически можно себе представить это как результат эволюции мировоззрения писателя. Вероятнее другое.⁴⁹ Пселл остался тем же, однако в специфических условиях Византии (как и в любом государстве с безраздельным господством официальной доктрины) идейная борьба парадоксальным образом для обеих сторон превращается в уличение противника в «отступлении» от общеобязательных догм. Не впервые прибегает к этому приему и Михаил Пселл: составляя в 1058 г. речь против Кирулария, он уже уличал своего политического врага в «нечестии», «оскорблении святых», «занятии оккультными науками» и прочих грехах, обвинение в которых способно было произвести впечатление на суд и настроение общества.

Итак, в отношениях между прежними соратниками в последние годы возникает новая (уже третья!) ситуация: бывший защитник Ксифилина, позже вынужденный обороняться от его нападков, на этот раз сам оказывается, правда уже после смерти патриарха, в роли обвинителя.

Многие события биографии и карьеры Пселла, Мавропода и Ксифилина были так или иначе связаны с деятельностью видного политика, а позже патриарха Константина Лихуда, имя которого неоднократно упоминалось выше. Лихуд родился, видимо, в конце X в.,⁵⁰ в юные годы он делает придворную карьеру и уже при Михаиле IV (1034—1041) входит

⁴⁹ Предположить эволюцию взглядов Пселла трудно, так как, во-первых, в других произведениях этой поры мы не находим ничего подобного, во-вторых, как уже отмечалось, в энкомии Мавроподу, написанном после 1075 г., Пселл высказывает воззрения, прямо противоположные его позиции в последней части энкомия Ксифилину.

⁵⁰ Лихуд был старше Ксифилина и Мавропода (Bibl. gr., IV, p. 393.19). По свидетельству Скилицы (Scdr., II, p. 570), сын Лихуда в 40-х годах был уже стратегом Веспракана. Достоверность последнего свидетельства может быть оспорена: Никифор Вриенний в аналогичном контексте говорит не о сыне, а о дяде Лихуда (Nicephori Bryennii commentarii, rec. Meineke, Bonn, 1836, p. 31). Скутариот уже и вовсе считает Лихуда внухом.

в состав синклита (Bibl. gr., IV, p. 393. 18). Именно на эти годы приходятся ораторские диспуты Лихуда с Ксифилином и Мавроподом, о которых в конце жизни вспоминает присутствовавший на них Пселл (Bibl. gr., IV, p. 392. 28).⁵¹ Михаил V (1041—1042) отличает Лихуда, однако «не успевает» вручить ему бразды правления (Bibl. gr., IV, p. 398. 16). Это делает уже Константин Мономах (Bibl. gr., IV, p. 399). Лихуд, обладающий титулами проэдра и протовестиария (Cedr., II, p. 644; Attal., p. 66; Zon., p. 670), становится «первым министром» императорского дворца (Attal., p. 66; Cedr., II, p. 570, 644—645). Возвышение Лихуда повлекло за собой приближение ко двору Пселла, Ксифилина и Мавропода, а его отставка около 1050 г. привела к отстранению всех троих от активной деятельности. В царствование Феодоры (1055—1056) Лихуд «скромно жил в тихой гавани» (Bibl. gr., IV, p. 406. 9—10). Оставался в тени он и при Михаиле VI Стратиготике (1056—1057). Летом 1058 г. Лихуд вместе с Пселлом принимал участие в посольстве к мятежному Исааку Комнину (Bibl. gr., IV, p. 407; Chron., II, p. 93; Zon., p. 661). Новый император Исаак, несмотря на сомнения окружающих, вновь поручает ему заботы о государственных делах, а после смерти Кирулария (1058 г.) делает его патриархом (Bibl. gr., IV, p. 409; Cedr., II, p. 645).

К этому периоду относится единственное из трех писем Пселла Лихуду, которое позволяет судить о взаимоотношениях этих людей (Scr. min., II, p. 245). Философ жалуется на охлаждение к нему патриарха, пишет о наветах на него и о некоем «драконе», не подпускающем его к Лихуду. Речь без сомнения идет о каких-то расхождениях между друзьями, хотя, может быть (принимая во внимание свойственный византийской эпистолографии гиперболизм), и не столь серьезных.⁵² Большинство исследователей полагает, что Лихуд был тем человеком («самым дорогим из людей»), по совету которого Пселл приступил к написанию «Хронографии». На пятом году своего патриаршества в 1063 г. Лихуд умер.

О Лихуде и своем к нему отношении Пселл подробно пишет дважды: в «Хронографии» и «Энкомии». «Ум Лихуда не уступал речи, а речь — уму» (Chron., II, p. 93. 18). Благородство и ум политика он сочетал с жизнью священника, делами вершил не как ритор, а как философ, не разглагольствовал, не лицедействовал, но оставался самим собой при том и другом образе жизни и всегда оказывался на высоте положения. При всем этом ему свойственны были доступность, приветливость и качество, очень метко определяемое Пселлом как «улыбчатая серьезность» (μεϊδίῳ τε σερνότης) (Chron., II, p. 124.21). Столь идеальная характеристика в «Хронографии» могла бы быть, конечно, объяснена обыкновенной лестью, поскольку историческое сочинение, во всяком случае частично, пишется в период патриаршества Лихуда.

Вторично к образу Лихуда Пселл обращается по крайней мере через полтора десятилетия в энкомии умершему патриарху. Иное время, иное настроение у Пселла... Из трех друзей молодости двоих (Ксифилина и Лихуда) нет в живых, третий (Мавропод) находится в далекой и нелюбимой ему Евхаите. Для удалившегося от дел и уже очень немолодого Пселла наступил срок подведения итогов и «отдачи долгов» (выражение

⁵¹ Утверждение некоторых исследователей, что Лихуд — соученик Пселла (например, Chron., I, p. 16), не соответствует действительности.

⁵² П. Иоанну без всяких оснований полагает, что Лихуд в это время возбудил против Пселла процесс, в результате которого последний должен был вновь удалиться в монастырь (P. Joannou. Psellos et le monastère Tà Nafroù, p. 286).

⁵³ См.: Chron., I, p. 152.26. Только в самое последнее время Р. Анастаси выдвинул гипотезу, согласно которой Пселл имеет в виду не Лихуда, а Мавропода (R. Anastasi. Studi sulla «Chronographia» di Michele Psello, p. 23—24). Ни то, ни другое отождествление не является абсолютно достоверным.

самого писателя).⁵⁴ Одним из таких «долгов» и являлась речь Лихуду, написанная через много лет после смерти героя.

Характеристика Лихуда в «Энкомии» не менее идеальна, чем в «Хронографии». Лихуд оказывается средоточием всех добродетелей (Bibl. gr., IV, p. 388.4—5), он необыкновенно красноречив, необорим в споре (p. 391), великолепно изучил законы и овладел политическим искусством (p. 394 sq.); придя к власти, вовсе не изменил своей природе и оказался идеальным правителем государства, сохранив при этом простоту и приятность нрава. Как патриарх Лихуд проявил не меньше достоинств, чем в качестве первого министра (p. 411). Он заботился о бедных (первейшая обязанность священника!) и, что специально оговаривается, не забывал о своих родственниках и друзьях.⁵⁵

Главное свойство Лихуда — «сострадательность» (συμπάθεια). В отношении этого качества Пселл признавал полное превосходство патриарха над собой (p. 413). Чрезмерные похвалы Лихуду нетрудно, конечно, отнести за счет условностей жанра. Однако, предъявляя строгие требования к стилю, композиции и даже общему тону, жанр оставляет писателю свободу акцентов, расстановка которых позволяет судить о субъективном авторском отношении к объекту восхвалений. Интересно в этом отношении сопоставить образы Лихуда и Ксифилина в похвальных словах тому и другому.

Оба образа имеют немало сходного, определяемого по-средневековому суровыми требованиями жанра и необычайной общностью материала (в обоих случаях Пселл пишет о друзьях юности, ставших патриархами). Достоинства Ксифилина и Лихуда подаются в «превосходной степени», и тот и другой — непревзойденные образцы добродетели, прекрасные ритори, философы, юристы, благочестивейшие и милостивейшие патриархи. И тем не менее на фоне этого «родового» сходства явственно проступают «видовые» различия. В энкомии Ксифилину акцент ставится на отшельнической жизни, аскетизме, теологических теориях героя (Bibl. gr., IV, p. 451 sq.). Воспаря душой к богу, Ксифилин, особенно в начале своего патриаршества, питал отвращение к людям (p. 449), пренебрегал родней (p. 452). Напротив, как уже отмечалось, божественные добродетели Лихуда сочетались у него с успешной практической деятельностью, а абстрактное «милосердие» с конкретной заботой о ближнем. В образах Ксифилина и Лихуда в энкомиях мы встречаемся с вариантами уже знакомых нам двух типов людей, постоянно противопоставляемых Пселлом. Ксифилин какими-то своими сторонами похож на Кирулария и Льва Параспондила (Chron., II, p. 74 sq.), Лихуд — на Мавропода и самого Пселла. На протяжении всей сознательной жизни Константин Лихуд был для Пселла своего рода образцом идеального человека.

Во втором томе «Истории Византии»⁵⁶ говорится об «уважении к знаниям», «культе бескорыстной дружбы», существовавших в кружках интеллигенции комниновской эпохи и напоминавших «атмосферу более поздних кружков эпохи Возрождения». Эту характеристику можно с уверенностью отнести уже к середине XI в. Именно в рамках такого кружка и развивались дружеские связи между Ксифилином, Мавроподом, Лиху-

⁵⁴ См. окончание похвальной речи Пселла Иоанну Мавроподу (Bibl. gr., IV, p. 167).

⁵⁵ Последнее обстоятельство дает писателю основание для очень интересных в данном контексте рассуждений о том, что преданность богу не исключает, как полагают некоторые, заботы о земных делах и особенно о родственниках и друзьях. Достойны осуждения, утверждает писатель, люди, «заглушающие голос своей природы» (p. 413.2—3). Такая точка зрения — принципиальная позиция писателя, которую он защищал всю свою жизнь.

⁵⁶ История Византии, т. 2, М., 1967, стр. 356.

дом и Пселлом, которых, особенно последнего, новые исследователи склонны считать предтечами гуманизма.⁵⁷

Вместе с тем приведенный материал позволяет, кажется, сделать и иной вывод, касающийся уже личности самого Пселла. Нельзя не видеть разницы в отношениях Пселла—Мавропода и Пселла—Лихуда, с одной стороны, и Пселла—Ксифилина—с другой. В первом случае, несмотря на все размолвки, многолетние дружеские связи, основанные на взаимных симпатиях и пиетете, во втором случае — постепенное охлаждение и расхождение сторон.

Пселл, Мавропод, Лихуд при всей разнице характеров, темпераментов в течение нескольких десятилетий оставались единомышленниками. Напротив, отход Ксифилина от взглядов и представлений юности сделал этих людей к концу жизни почти врагами. Современные исследователи часто и отнюдь не без видимых оснований называли Пселла наиболее печальным порождением «византинизма», т. е. сервилизма и моральной беспринципности в их крайнем выражении. Однако в связях с Мавроподом, Ксифилином, Лихудом Пселл не таков: в целом его отношение к этим людям определяется не сиюминутными соображениями выгоды, а убеждениями и мироощущением образованного, широко мыслящего человека.

Ja. Ljubarskij

MICHAEL PSELLOS UND SEINE BEZIEHUNGEN ZU ZEITGENOSSEN

(Johannes Mauropus, Johannes Xiphilinos, Konstantin Lichudes)

Der Verfasser versucht einige Details und Daten, die die Beziehungen zwischen Psellos und drei seinen Zeitgenossen betreffen, festzustellen. Am ausführlichsten wird der Briefwechsel zwischen Psellos und Mauropus behandelt. Der Ausgangspunkt des Verfassers, daß die Briefe Mauropus im Manuskript chronologisch angeordnet sind, gibt die Möglichkeit sich die Entwicklung des gegenseitigen Verhältnisses zweier Schriftsteller besser vorzustellen. Es wird der Unterschied in der Haltung des Psellos zu Mauropus, Lichudes und Xiphilinos betont. Psellos, Mauropus und Lichudes waren Genossen und Gleichgesinnte, die trotz einzelner Auseinandersetzungen das ganze Leben hindurch eng befreundet blieben. Die Beziehungen zwischen Psellos und Xiphilinos dagegen veränderten sich sehr, weil Xiphilinos von den Anschauungen seiner Jugend abwich. Es wird behauptet, daß Psellos, der von der Vielzahl der modernen Wissenschaftler als die Verkörperung des Geistes des «Byzantinismus» bezeichnet wird, in seinen Beziehungen zu den engsten Freunden sich als ein großmütiger Mann erwies, der in seinem Benehmen durch seine Gesinnung geleitet wurde.

Die Beziehungen und der Briefwechsel zwischen Psellos und seinen Freunden sind nur unter Berücksichtigung der Intensivierung des kulturellen Lebens, der Entwicklung der weltlichen Tendenzen in der Gesellschaft richtig einzuschätzen.

⁵⁷ Есть основания предполагать, что рядом с этой элитой византийской культуры стояли и другие неизвестные нам по именам лица, их судьбой интересуются, им передают приветия наши корреспонденты. В письме, возможно направленном Ксифилину (обращение — Иоанн), Мавропод (I. Euch., № 160) выражает дружеские чувства «прекрасной и священной троице, из которых один, я полагаю, еще учитель, а второй и третий — не знаю, как и назвать этих мужей, ибо опасаясь, что гераклитова река увлекла их к иному званию и положению». Ср. также письмо Мавропода двум учителям (I. Euch., № 161).